

слава Владимировича новгородского сказать о себе, что он „ун възраст“ имеет. А это „ми“ никак иначе, как обычным дательным падежом, не объяснить, так как для этого нет данных в контексте. Да если бы и удалось оставить в стороне Даниила, все равно это не спасло бы положения, так как слова Андрея Владимировича Переяславского оставались бы приписанными Ростиславу. Считать же, что автор „Слова“ допустил такую путаницу в отношении хорошо известных ему князей, также нет никаких оснований.

Мне кажется, что это место „Слова“ будет оставаться непонятным до той поры, пока при его комментировании не будут учтены особенности самого произведения, его жанровая природа.

„Слово“ было написано как произведение светской ораторской прозы. Сам жанр ставил перед автором некоторые формальные требования, в частности требование непосредственного обращения к адресату. Этим объясняется многократное повторение формулы „Княже мой, господине!“ адресат представляется хорошо известным лицом, в обращении к которому позволительно припоминать прошлое, говорить полунамёками и т. п. Автор пишет свое „Слово“, представляя, что он стоит лицом к лицу с князем, непосредственно обращаясь к нему. Понятно, что он не имел оснований давать (или, во всяком случае, мог не давать) более точное, чем он это сделал, определение своего адресата.

Иным было положение редактора „Моления“ или „Послания“: у него все действие переключалось в план переписки героя с его князем, поэтому-то он и назвал князя полным именем.

Что же касается ссылки на Ростислава, то стоит только поверить автору, что он действительно слышал от Ростислава знаменитые слова его дяди, Андрея Владимировича Доброго, князя Переяславского, и напомнил их последнему в своем „Слове“, как трудности комментирования этого места падают сами собой. В обстановке действительного или воображаемого личного обращения автора „Слова“ к князю не нужно было говорить, чьи эти слова. Для адресата „Слова“ ведь это было ясно. И сама аргументация оказывалась весьма убедительной.

„Правильно передал мне князь Ростислав: «Лучше бы мне смерть, нежели Курское княжение»; так ведь и мужу: лучше смерть, нежели продолжение жизни в невзгодах (А, XI)“.

Итак, возникновение первой редакции следует отнести к последним годам жизни Андрея Владимировича Доброго, когда он вновь занял княжение в Переяславле Южном; возникновение второй редакции — к последним годам жизни Ярослава Всеволодовича, в ранней юности княжившего в Переяславле Южном, а с 1213 по 1236 г. — в Переяславле Суздальском.

* * *

Одним из источников „Слова Даниила Заточника“ была „Повесть временных лет“. Автор „Слова“ хорошо знает ее. В „Слове“ есть места, текстуально совпадающие с „Повестью временных лет“. Но это не пространные цитаты, а только небольшие вкрапления летописного текста в речь автора. При первом знакомстве с ними создается впечатление, что мы имеем здесь дело с цитированием летописи по памяти. Вне всякого сомнения, ряд совпадений в тексте „Слова“ с летописью только так и можно объяснить. Однако можно предполагать, что в некоторых случаях автор „Слова“ имел текст „Повести временных лет“